

**РОЛЬ ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЙ
В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
В ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА «БЕДНАЯ ЛИЗА»**

О. Н. Краснова

Ключевые слова: ценностно-семантические оппозиции, «экзистенциальная наполненность», содержательные текстовые доминанты, текстовые связи, глубинные художественно-психологические черты повествователя.

Keywords: value-semantic oppositions, «existential fullness», substantial textual dominants, textual connections, in-depth artistic and psychological features of the narrator.

DOI 10.14258/filichel(2021)1-13

Современными филологическими науками — литературоведением, лингвистикой, культурологией, а также психологией, философией, социологией — зачастую на их стыке, активно исследуется круг вопросов, относящихся к субъективным состояниям человека, охватывающим широкий спектр его переживаний.

С позиций когнитивного литературоведения, лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, психосемантики, психолингвистики на материале художественных текстов изучаются художественно-психологические состояния их персонажей: «месть», «удивление», «зависть», «жалость», «страх», «печаль» и др., рассматриваемые как эмоционально-поведенческие концепты либо аспекты художественной картины мира (В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, С. А. Аскольдов, Ю. Д. Тильман, И. И. Чесноков, В. И. Карасик, Е. С. Бульбенко, А. П. Бабушкин, В. В. Колесов, В. А. Пищальникова, В. С. Мельникова, Ю. С. Степанов, Л. В. Миллер, И. А. Тарасова, А. А. Залевская).

Особое место в разысканиях, связанных с субъективными состояниями человека, занимает разработка понятия «экзистенциальная наполненность». Аристотель определяет его как «счастье — деятельность совершенной жизни в соответствии с совершенной добродетелью» [Аристотель, 2005, с. 31], К. Ясперс — «значимость подлинного бытия»

на краю разрушения и гибели [Ясперс, URL], А. Ф. Лосев — «моральная и космическая красота» [Лосев, 2000, с. 164].

В описании М. М. Бахтина «экзистенциальная наполненность» — это состояние «только я единственный во всем бытии я-для-себя и все остальные другие-для-меня — вот положение, вне которого для меня ничего ценностного нет и быть не может ... с этого началось и вечно начинается какое бы то ни было событие для меня» [Бахтин, 1986, с. 120–121].

Понятие «экзистенциальной наполненности» разрабатывалось литературоведами. Проблемы свободы, события освещаются Ю. М. Лотманом, судьбы — В. Н. Топоровым, «пороговых состояний» — Н. Л. Лейдерманом, В. Ф. Асмусом, выбора, ответственности, «психологического предела», жизни и смерти — С. М. Козловой, С. М. Шаврыгиным, Л. Г. Андреевым, О. Б. Золотухиной, К. М. Долговым, А. Н. Сидоровым, А. С. Янушкевич, А. Н. Кошечко, Е. А. Московкиной.

«Экзистенциальная наполненность» получила осмысление в философии (П. Тиллих, Г. Марсель, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк), в экзистенциальной психологии (В. Франкл, Р. Мэй, С. Мадди), интенсивно рефлексировалась в психологии нынешнего этапа (Д. А. Леонтьев, С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая, С. В. Кривцова, А. С. Баранников, Г. А. Петрова, И. А. Ларина, И. Н. Майнина, А. Лэнгле, М. Кунди, Г. Гуттманн, К. Орглер, А. Тертц, К. Кольбэ, П. Бекер, Л. Гомез, Р. Галлер, М. Вейс, Дж. Шелленбахер, Э. Вурст).

«Экзистенциальная наполненность» представляет собой субъективное интегральное переживание человека в отношении его жизни в данный момент времени и описывается А. Лэнгле как состояние «оставаться у самого себя», «в глубокой внутренней реальности, которая никогда не может быть исчерпана до конца <...> с установкой открытости по отношению к себе — своим чувствам, мыслям, страхам и радостям, своей тоске и своей боли во внутреннем созвучии с Собственным» [Лэнгле, 2005, с. 61].

Предпринятое нами междисциплинарное исследование рассматривает текст как область стыка литературоведения, теории текста, психологии, лингвистики, что связано с целями: выделением, анализом, систематизацией текстовых связей (знаков текста) с глубинными художественно-психологическими свойствами образа повествователя (его экзистенциальными характеристиками), а также описанием процесса художественно-психологического смыслопорождения, сопряжённого с глубинными чертами и выраженного через текстовые связи.

В данной статье мы рассмотрим ценностно-семантические оппозиции в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» как содержательные текстовые доминанты, расположенные в ситуациях «экзистенциальной наполненности».

По словам М. М. Бахтина, подлинная жизнь личности совершается «в точке внехождения себя <...> где я абсолютно не совпадаю с самим собою <...> там, где преодолевается в себе ценностное самодовление бытия-наличности» в условиях диалогического проникновения [Бахтин, 1986, с. 134–143].

Такие «точки внехождения себя» в мире, обозначающие ощущение повествователем того, что вне него, как «своего» (внутренне важного для себя), многочисленны. Предваряющие первое появление ключевого слова «сердце» в произведении, они составляют ряд ценностно-семантических оппозиций, каждая часть которых одинаково важна для находящегося в «экзистенциальной наполненности» повествователя: «Москва — загородное пространство», «человек — монах», «человек — власть», «слабость — сила», «чувство — долг», «множество — единица».

Оппозиции, дихотомически разделённые по структуре и семантике, обозначают не только отношение повествователя к выше названным реалиям, но и диалогичность этого отношения²⁸. Например, в оппозиции «Москва — загородное пространство» повествователь и пропозиционально и художественно-психологически принадлежит части оппозиции «Москва» (жителем города он и является). На эту внутреннюю приверженность указывает структура предложения, где происходит перекрёстное наложение функций двух семантических актантов («жители Москвы» и «я»), что придаёт свойство взаимной ориентированности, маркирует их диалогические отношения, тем самым обозначая двойные художественно-психологические связи:

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком... (с. 506)²⁹.

Тем не менее повествователь одновременно является членом и второй части оппозиции «загородное пространство» (по которому совершает прогулки).

²⁸ И. А. Гурвич отмечает в качестве типологического показателя прозы Карамзина «несогласие, раздвоение мысли», представляющее собой «чередующиеся диссонансы, лишённые разрушительной силы» [Гурвич, 1987, с. 22].

²⁹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на произведение Н. М. Карамзина по следующему источнику: Карамзин Н. М. Собр. соч.: в 2 т. Л., 1984. Т. 1.

Оппозиция «множество — единица» насыщена дополнительной диалогичностью за счёт двойной художественно-психологической отнесённости повествователя к каждой из её частей: чувствительный литератор с любящим сердцем как «единица» и он же — один из людей, в том числе и «чувствительных» — как «множество». Если рассматривать оппозицию в аспекте «множество» (народ) — «единица» (царь), то повествователь — это «множество». Выделение части оппозиции «единица» (царь) подчёркивается тестовыми ритмами — усиленной семисложной синтагмой, к которой «ведут» цепочки десятисложных синтагм с семантикой сельской жизни, что создаёт дополнительную оппозицию «царь — народ (сельские жители)»:

Почти на краю горизонта, 9 синеются Воробьевы горы. 10 На левой же стороне 7 видны обширные, 6 хлебом покрытые поля, лесочки, 11 три или четыре деревеньки 10 и вдали село Коломенское 10 с высоким дворцом своим 7 (с. 506).

Описанная оппозиция семантически сближается с ранее названной «Москва — загородное пространство», образуя имплицитную текстовую связь образов царя и повествователя, проявляющую мотив — намерение повествователя, касающееся возможностей его влияния на царя³⁰.

В оппозиции «человек — монах» повествователь, пропозиционально принадлежа к первой её части, художественно-психологически «стремится» и ко второй. Ему необходимо слышать внутренним слухом «глухой стон времен», слова и молитвы монахов, что составляет важную часть его сентиментальных прогулок. Ключевые слова «сердце» и «чувство», важные не только для «Бедной Лизы», но и для всего творчества Карамзина, появляются впервые в повести в «монастырском» контексте:

Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травой, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездню минувшего поглощенных, — стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет (с. 507).

Приведённый фрагмент передаёт интегральное эмоционально насыщенное состояние глубины и полноты восприятия в ситуации соприкосновения с разрушением, соотносимое с определением К. Ясперса («действительность бытия в подлинном крушении») [Ясперс, URL], Л. А. Капитановой (при осознании «краткости и бренности челове-

³⁰ В. Н. Топоров говорит об экспликации через образ рассказчика «пейзажного» и «исторического», что соединяет историю частную с «общей» историей [Топоров, 1995, с. 84].

ской жизни, он преклоняется перед ее вечным обновлением») [Капитанова, 1999, с. 69], что проявлено лексическими маркерами пространственной деструкции, в то же время не представляющей прямой опасности («опустевшего», «гробов, заросших высокою травой», «темных переходах»), в сочетании с маркерами аудиальными («воют», «внимаю глухому стону») и кинестетическими («содрогается и трепещет»).

Тем самым создаётся «воронка» активного читательского внимания, ведущая к следующему фрагменту:

Иногда вхожу в келии и представляю себе тех, которые в них жили, — печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости (с. 507).

Ключевое слово «чувство» в данном фрагменте существует в трёх вариантах: лексическом эквиваленте «удовольствие» как «наслаждение»³¹ («все удовольствия исчезли для него в жизни»), «чувство» как «эмоция»³² («все чувства его умерли») и «чувство» как «ощущение»³³ («чувства болезни и слабости»).

Приведённая текстовая триада содержит в себе один из парадоксов повести: старому монаху, всю жизнь усердно исполняющему свой долг («преклонившего колена перед распятием»), «наслаждения» попросту не интересны. Тем не менее монах молится о приходе смерти в первую очередь из-за исчезнувших удовольствий и лишь во вторую — из-за отсутствия эмоций.

При разрешении этого парадокса нужно учесть, что повествователь входит в кельи, максимально сблизившись с сознанием другого человека, настроившись на переживание другого человека в его неповторимости, сущности, т. е. в состоянии «экзистенциальной наполненности», дающем ощущение новой полноты и совершенства жизни (или, по-иному, «удовольствия»)³⁴. А этого как раз и лишён описываемый повествователем монах. Таким образом, предмет печали монаха — это отсутствие «экзистенциальной наполненности», когда-то им испытываемой и без которой он ощущает «экзистенциальный вакуум», а предмет

³¹ Чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний [Словарь русского языка, т. 4, 1988, с. 469].

³² Внутреннее психологическое состояние человека, его душевное переживание [Словарь русского языка, т. 4, 1988, с. 689].

³³ Психофизическое ощущение, испытываемое человеком [Словарь русского языка, т. 4, 1988, с. 689].

³⁴ Ср. у Ю. М. Лотмана: «Момент высшего напряжения снимает все границы непереводимостей и делает несовместимое единым» [Лотман, 2000, с. 30].

печали повествователя — отсутствие «экзистенциальной наполненности» в заброшенном монастыре, когда «полнота человеческой жизни недостижима» [Гребнева, 2020, с. 74].

Итак, в рамках оппозиции «человек — монах» мы можем определить ещё одну имплицитную художественно-психологическую связь с глубинными свойствами повествователя и через неё установить мотив побуждающего к действию сопереживания.

Таким образом, ценностно-семантические оппозиции являются текстовыми связями, ведущими к раскрытию глубинных художественно-психологических черт повествователя, а также контекстуальным способом их характеристики, отражающим его мотивы, установки, обобщённые суждения мировоззрения (генерализации).

Ценностно-семантические оппозиции обладают свойством обозначения диалогичности художественно-психологического отношения повествователя к обозначаемым реалиям в ситуации «экзистенциальной наполненности», а пропозициональные и художественно-психологические противоречия разрешаются в рамках означенной ситуации.

Текстовыми знаками, организующими активное читательское внимание и привлекающими его к глубинным художественно-психологическим характеристикам, являются лексические маркеры, соответствующие изображаемому интегральному эмоциональному состоянию повествователя.

Библиографический список

- Аристотель. Эвдемова этика. М., 2005.
- Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Гребнева М. П. Тема жизни и смерти в рассказах А. Е. Новоселова // Филология и человек. 2020. № 1.
- Гурвич И. А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII — 1-я пол. XIX вв.). Ташкент, 1987.
- Капитанова Л. А. Изучение «Бедной Лизы Н. М. Карамзина на уроках литературы в школах нового типа // Карамзинский сборник. Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»: Проблемы изучения и преподавания. Ульяновск, 1999.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 4. М., 2000.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2000.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2005.

Топоров В. Н. Бедная Лиза Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию выхода в свет. М., 1995.

Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>

Источник

Карамзин Н. М. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Л., 1984.

Словарь

Словарь русского языка. АН СССР : в 4 т. Т. 4. М., 1988.

References

Aristotel. *Evdemova etika* [Eudem's ethics]. Moscow, 2005.

Bahhtin M. M. *Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti* [Author and hero in aesthetic activity]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986.

Grebneva M. P. *Tema zhizni i smerti v rasskazakh A. E. Novoselova* [The Theme of life and death in the stories of A. E. Novoselov]. *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. Barnaul, 2020. No 1.

Gurvich I. A. *O razvitiu khudozhestvennogo my'shleniya v russkoj literature (konecz XVIII — 1-ya pol. XIX vv.)* [On the development of artistic thinking in Russian literature (late XVIII-1st floor) XIX centuries]. Tashkent, 1987.

Kapitanova L. A. *Izuchenie «Bednoj Lizy N. M. Karamzina na urokah literatury v shkolah novogo tipa* [The Study of «Poor Liza» N. M. Karamzin at literature lessons in schools of a new type]. *Karamzinskij sbornik. Povest» N. M. Karamzina «Bednaya Liza»: Problemy izucheniya i prepodavaniya* [Karamzin collection N. M. Karamzin's story «Poor Liza»: Problems of studying and teaching]. Ulyanovsk, 1999.

Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki* [History of ancient aesthetics]. In 8 vols. Vol. 4. Moscow, 2000.

Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. *Semiosfera* [Semiosfera]. St. Petersburg, 2000.

Längle A. *Person. Existential-analytical theory of personality* [Existential-analytical theory of personality]. Moscow, 2005.

Toporov V. N. *Bednaya Liza Karamzina* [Poor Liza Karamzina]. *Opy't prochteniya: K dvukhsotletiyu vy'khoda v sve.* [Experience of reading: To the bicentenary of publication]. Moscow, 1995.

Jaspers K. *Duhovnaya situaciya vremeni* [The spiritual situation of the time]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>

List of sources

Karamzin N. M. *Sobraniye sochineniy v dvukh tomakh* [Collected works in two volumes]. Vol. 1. Leningrad, 1984.